

Как Михалков добивался у Мордюковой «лица с выражением»

Камс. правды - 1997 -

Март - с. 8.

МЕМОАРИ

(Рассказ о съемках фильма «Родня» из новой книги воспоминаний Нонны Мордюковой «Не плачь, казачка!»)

На днях прошла презентация книги Нонны Викторовны Мордюковой «Не плачь, казачка!» («Комсомолка» уже писала о ней 23 сентября). Огромная толпа поклонников и почитателей таланта актрисы могла не только ознакомиться с плодами литературного труда народной артистки СССР, но и получить вожденный автограф экс-Ульяны Громова из «Молодой гвардии», экс-«комиссара» и экс-«председателя» из одноименных фильмов.

В 88-м году в журнале «Октябрь» были опубликованы первые воспоминания Мордюковой. «Боже, какой срам, какой позор. Будто выставила напоказ свой секретный баульчик».

Но потом рукописные отрывки сложились в книгу. Она писала хаотично, «когда накачивало», а потому эмоции и простая жизненная философия для автора намного важнее, например, точности в написании имен и фамилий коллег.

Нонна Викторовна не выносит экивоков и резка на язык. Иллюстрация тому - отрывок, который мы предлагаем вашему вниманию.

«Какую же рожу я ему скривила?» (Нонна Мордюкова с Евгением Матвеевым).

Боже, что это была за работа! Сердце иногда останавливалось, режиссера ненавидела, а он неотступно требовал исполнять только так, как он видит... Такого, как Никита Михалков, можно и послушаться, но ведь не всегда. Бывало, все в тебе сопротивляется, тянет к другому решению. Ссоры были, творческая любовь была, единение и смешливость возникали обязательно, как награда за трудный рабочий день, - смех, смех и смех... Он заводной, остроумный и изобретательный. Футбол, чаепитие, гитара, песни, рассказы... И вот драка!

Началось с того, что Никите нужно было снять мое лицо с наитрагичнейшим выражением. Это финальный эпизод на вокзале, где провожают новобранцев в армию и я между ними кручусь с ведрами, ищу бывшего мужа, Вовчика ищу... Мне сыграть надо было смятение, граничащее с потерей и гибелью. Я знала, как готовиться к такому крупному плану и как его выдать на-гора. Никита знал мои возможности, но хотел чего-то большего. (Мы слышали, что за границей кинорежиссеры сильно бьют актрису по лицу, отскакивают от камеры, и оставленная актриса «гениально» играет - и слезы ручьем, и тоска прощания. Люкс!) И вот Никита «приступил к получению» такого выражения лица, которого не было у меня еще ни в одном фильме.

Уселся, лапочка моя, на кран вместе с камерой и стал истошно орать - командовать огромным количеством новобранцев и выстраивать в толпе мою мизансцену. Я на миг уловила, что ему трудно. Мега-

фон фонит, его команды путают, а мы с Ванькой Бортником - «мужем» - индо взопре-ли от повторных репетиций. Вдруг слышу недобрую, нетворческую злость в мой адрес. Орет что есть духу:

- Ну что, народная артистка, тяжело? Тяжело!.. Подложите-ка ей камней в чемодан побольше, чтоб едва поднимала.

Шум, гам, я повинуюсь. Чемодан неподъемный, но азарт помогает. Снова, снова и снова дубли. Чувствую, что ему с крана виднее и что-то не нравится. Для него быть в поднебесье на виду у молодежи и не решить на их глазах, как снимать, - невыносимо.

- Ну что, бабуля, тяжело? А? Не слышу! Подложите, может, еще?

- Мне не тяжело! - срывая связки, ору ему в небо. - Давай снимай!

- Нонна Викторовна! Делаю картину я. Могу слезть и

показать вам, как нести тяжесть, и в это же время искать свою надежду, своего мужа Ваню. Где ты, Иван?

- Здесь я! - с готовностью кричит Ваня Бортник.

- Вы видите его, народная артистка? Или вам уже застигло? Да, трудно бабушкам играть такое.

Я поставила тяжеленные вещи и устремила к вагончику. До сих пор не могу понять, как Никита почти опередил меня, и в тот момент, когда я стала задвигать дверь, он вставил в проем ступню и колено. Не пускает. Я тяжело дышу, вижу, что и он озверел. Ткнула его со всей силы кулаком в грудь - не помогает. Схватила за рубашку, посыпались изящные пуговички с заморской пахучей одежды. Тут я пяткой поддала по его колену и, ничего не добившись, кинулась на постель.

Через некоторое время входит Павел Лебешев, оператор.

- Нет! - вскакиваю. - Уезжаю в Москву! С этим козлом я больше незнаком.

К окну подъехала «Скорая». Она всегда дежурила у нас на съемке. Пока врачи шупали пульс и готовили укол, я орала на весь вокзал:

- Уйди, Пашка! Не будь подхалимом. Сниматься больше не буду! И его духи больше нюхать не буду.

Пашка садится на противоположное сиденье и говорит:

- Понимаешь, сейчас отличный режим...

- Не буду!

- Солнце садится, объемность нужна!

- Не буду!

- И отменная морда у тебя...

- Не буду! Отстань!

Он встал, попросил сообщить, когда я буду готова продолжить съемку. У меня мель-

нула реальная, практическая мысль: «Морда отменная, режим натуры отменный, надо скинуть этот кадр...» И, придерживая ватку на месте укола, я встала как вкопанная в кадр.

Боковым зрением вижу: к камере подходит Никита.

- Значит, так...

- Молчать! - ору я. - Пашке говори, а он - мне! Через переводчика, понятно?!

Никита тихо ему в ухо, а Пашка корректирует: правее, левее, туда посмотри, сюда.

Я им выдала нужный дубль и резко пошла к машине.

- Давай еще один, - попросил Пашка.

- Обойдетесь! Небось на «Кодаке» снимаете. Я сегодня Рот Стайгер, даю один дубль!

В гостинице долго стояла под душем, пытаюсь решить, что делать. Бросить картину я могла по закону. Но роль бросать жаль...

Вытерлась, застегнула все пуговички халата, слышу деликатный стук в дверь.

- Кто?

- Мы.

Это мои «товарищи по перу» - Всеволод Ларионов и местный, днепропетровец.

- Садитесь, - говорю.

Снова стук, но уже не деликатный.

- Да-да, - говорю.

Входит Никита и прямым ходом в спальню. Такое впечатление, что и не выходил из нее никогда.

- Нонночка, - зовет меня. Я не гляжу на него. Он еще раз:

- Нонночка...

Обернулась, вижу красное, мокрое, в слезах лицо, тянет ко мне ладони, зовет к себе.

Так и стоим - он ни с места и я. «Нонночка», - заплакал.

Ох, негодный, таки добился! Пошла я, не торопясь, к нему, он обнял меня и смиренно застыл.

Так постояли мы, потом он сказал:

- Пойдем, милая моя. Пойдем ко всем нашим, чтоб они видели, что мы помирились.

«Два дня на жаре между рельсов снимались с Риммой Марковой...» (клип из «Русского проекта» ОРТ).